

внушало каждому уваженіе къ старушкѣ, которая, чуждаясь непостоянства и крайностей моды, съ чувствомъ собственного достоинства, оставила за собой право одѣваться, какъ ей было удобно, какъ бы считая одежду не поводомъ къ излишнему щегольству, но только средствомъ, изобрѣтеннымъ необходимою, приличнымъ образомъ, удобно и покойно себя чѣмъ-нибудь прикрыть.

Десять лѣтъ моего дѣтства провелъ я въ домѣ бабушки и съ дѣтства слышалъ ея рассказы, но немного отъ слышаннаго тогда осталось въ моей памяти; я былъ еще такъ малъ, что не придавалъ настоящаго значенія слышанному мною и то, что слышалъ сегодня — забывалъ завтра. Десять лѣтъ спустя, когда, лишившись своей незамужней дочери, съ которою она жила, бабушка переѣхала на житье къ намъ въ домъ и жила съ нами до своей кончины, въ эти двѣнадцать лѣтъ слышанное мною живо врѣзалось въ мою память. потому что многое было мною тогда же подробно записано. Въ числѣ этихъ двѣнадцати лѣтъ мы провели безвыѣздно три года — 53, 54 и 55 — въ деревнѣ, и тутъ то въ длинные зимніе вечера бабушка любила вспоминать о своей прошлой жизни и не рѣдко повторяла одно и то же.

То, что я тогда записалъ, могу передать со всею полнотою подробностей, которыя доказываютъ, что говорить очевидецъ, припоминающій когда-то видѣнное, а то, что я позабывалъ или иногда и лѣнился записывать подробно, слишкомъ доверяя своей памяти, я передаю только въ очертаніяхъ и краткихъ словахъ, не желая вымыслить и опасаясь исказить точность мнѣ переданнаго.

Всѣ тѣ мелочныя подробности ежедневной нашей жизни, которыми мы пренебрегаемъ въ настоящее время, считая ихъ излишними и утомительными, становятся драгоценными по простествію столѣтій, потому что живо рисуютъ предъ нами нравы, обычаи, привычки давно исчезнувшаго поколѣнія и жизнь, имѣвшую совершенно другой складъ, чѣмъ наша.

Я нѣсколько разъ пытался предлагать бабушкѣ диктовать мнѣ ея воспоминанія, но она всегда отвергала мои попытки при ней писать ея записки и обыкновенно говаривала мнѣ: «Статочное ли это дѣло, чтобъ я тебѣ диктовала? Да я и сказать-то ничего тебѣ не сѣмью; я давнымъ давно все перзабыла, а

ежели что я рассказываю, и тебѣ покажется интереснымъ, такъ ты и запиши, а большаго отъ меня не жди, мой милый».

Такъ мнѣ и приходилось дѣлать: записывать укладкой и потомъ приводить въ порядокъ и одинъ рассказъ присоединять къ другому. Будучи въ настоящее время единственнымъ хранителемъ этихъ преданій и рассказовъ, я считъ своимъ долгомъ подѣлиться этими словесными памятниками прошедшаго со всѣми любителями старины и разсудить, что мнѣ, какъ москвичу, всего лучше и приличнѣе напечатать ихъ въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что въ московскомъ обществѣ найдутся люди, по преданію имѣющіе понятіе о лицахъ, упоминаемыхъ въ разсказахъ старушки, прожившей всю свою жизнь въ Москвѣ.

1877 года, ноября 1-го дня.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Я родилась въ селѣ Бобровѣ, которое купила покойная бабушка, батюшкина мать, Евпраксія Васильевна, дочь историка Василя Никитича Татищева. Въ первомъ бракѣ она была за дѣдушкой, Михаиломъ Андреевичемъ Римскимъ-Корсаковымъ, и отъ него у нея было только двое дѣтей: батюшка Петръ Михайловичъ и тетюшка княгиня Марья Михайловна Волконская. Вскорѣ овдовѣвъ, бабушка вышла замужъ за Шепелева (кажется, Ивана Ивановича); дѣтей у нихъ не было и они скоро разѣхались, давъ другъ другу подписку, чтобы ни которому изъ нихъ одному послѣ другого седьмой части не брать. По Шепелевымъ бабушка приходилась сродни графинѣ Шуваловой (Мавръ Егоровнѣ, урожденной Шепелевой, женѣ графа Петра Ивановича Шувалова).

Лѣтомъ графиня Шувалова жила иногда въ своемъ имѣніи, гдѣ-то неподалеку отъ Боброва; бабушка съ ней считалась родствомъ и была дружна. Разъ какъ-то она была у нея въ гостяхъ, та и говоритъ ей: Что ты меня никогда не позовешь къ себѣ обѣдать?

— Что же мнѣ тебя звать, отвѣчала бабушка, — милости просимъ когда угодно.

— Ну, такъ назначь день, когда мнѣ пріѣхать; а то легко ли сколько верстъ ѣхать съ визитомъ, а ты, пожалуй, и не дашь пообѣдать.

— Я дня не назначаю, потому что ты сама знаешь, всегда тебѣ рада и обѣдомъ угощу, прошу не прогнѣваться, чѣмъ Богъ послалъ... А ежели день назначишь, и того лучше, буду тебя ожидать... Назначь сама.

День назначили. Бабушка, пріѣхавъ домой, послала нѣсколько троекъ туда-сюда: кто поѣхалъ за рыбой, кто за дичью, за фруктами, мало ли за чѣмъ? Званный обѣдъ: Шепелева угощает графиню Шувалову, — стало-быть, пиръ на весь міръ. Бабушка была большая хлѣбосолка и не любила лицомъ въ грязь ударить. Надобно гостей назвать: не вдвоемъ же ей обѣдать съ графиней. Послала звать сосѣдей къ себѣ хлѣба-соли откушать; и знатныхъ, и незнатныхъ—всѣхъ зоветъ: большая барыня никого не гнушается; ее никто не уронить, про всѣхъ у нея чѣмъ накормить доставеть... Приспѣлъ назначенный день. Гостиная полна гостей; Калуга въ семнадцати верстахъ и оттуда съѣхались: пріѣхала главная гостья—Шувалова; не забыли и попа съ попадѣей. Попадью бабушка очень любила и ласкала; соскучится бывало, и позоветъ человѣка: «Поди, зови попадью». Та придетъ: «Что жъ это ты дѣла своего не знаешь, ко мнѣ не идешь который день?» Та начнетъ извиняться: «Ахъ, матушка ваше превосходительство, помилуйте, какъ же я могу, какъ я смѣю незваная придти»... Бабушка какъ прикрикнетъ на нее: «Что ты, въ умѣ, что ли, дура попова, всякій вздоръ городишь! Вотъ новости: незваная! Скажите на милость: велика птица, зови ее! пришла бы сама, да и пришла... Ну, ну, не сердись, что я тебя обругала, я пошутила, попадья; садись, рассказывай, что знаешь»... И такъ рѣдкій день, чтобы попадья не была у бабушки.

Пришелъ часъ обѣда; дворецкій съ важностью доложилъ: «Кушанье готово». Хозяйка взяла за руку Шувалову, ведетъ ее къ столу, видитъ, попадья тутъ стоитъ. Желая ее приласкать, она и говоритъ ей:

— Ну, попадья, ты свой человѣкъ; сегодня не жди, чтобы я тебя подчивала, а что приглянется, то и кушай.

Въ то время кушанья не подавали изъ буфета, а все выставляли на столъ, и перемѣнъ было очень много. Въ простые дни, когда за-свой обѣдаютъ, и то бывало у бабушки всегда: два горячія—щи да супъ или уха, два холодныя, четыре соуса, два жаркія, два пирожныя... А на званомъ обѣдѣ, такъ

и того болѣе: два горячія — уха да супъ, четыре холодныя, четыре соуса, два жаркія, нѣсколько пирожныхъ, потомъ десертъ, конфеты, потому что въ рѣдкомъ домѣ чтобы не было своего кондитера и каждый день конфеты свѣжія... Можно себѣ представить, какой былъ въ этотъ день обѣдъ у бабушки: она любила покушать, у нея, говорятъ, и свои фазаны водились; безъ фазановъ она въ праздникъ и за столъ не садилась. Бывало, сидятъ за столомъ, сидятъ — конца нѣтъ: сидутъ въ зимнее время въ два часа, а встанутъ — темно; часа по три продолжался званый обѣдъ.

Ну, сѣли за столъ, сидятъ — кушаютъ да похваливаютъ; что блюдо — то диковинка; вотъ дошло дѣло до рыбы. Дворецкій подходитъ къ столу, чтобы взять блюдо, — стоитъ и не беретъ. Бабушка смотритъ и видитъ, что онъ самъ не свой, на немъ лица нѣтъ, чуть не плачетъ. «Что такое?» Подаютъ ей стерлядь разварную на предлинномъ блюдѣ; голова да хвостъ, самой рыбы какъ не бывало. Можешь себѣ представить, какъ бабушкѣ стало досадно и конфузно! Она не знаетъ, что и подумать! Смотритъ кругомъ на всѣхъ гостей, видитъ, попадья сидитъ, какъ на иголкахъ — ни жива, ни мертва... Бабушка догадалась, говоритъ громко: «Что жъ это такое?» а сама съ попадья глазъ не сводитъ. Съ попадьею чуть не дурно дѣлается, встала, хочетъ сказать — не можетъ. Всѣ гости опустили глаза, ждутъ — вотъ будетъ буря. «Попадья, ты это съѣла у меня рыбу?» грознымъ голосомъ спрашиваетъ бабушка.

— Виновата, матушка государыня, ваше превосходительство, точно я, виновата, бормотала попадья, — сглупила...

Бабушка расхохоталась, глядя на нее — и всѣ гости.

— Да какъ же это тебѣ въ умъ только пришло съѣсть что ни на есть лучшую рыбу? спрашивала хозяйка сквозь смѣхъ.

— Простите, виновата, государыня, ваше превосходительство! Вотъ какъ изволили идти-то къ столу, такъ и сказали мнѣ, что ты, моль, свой человекъ, не жди, чтобы подбивать стала, а что приглянется, то и кушай... Съѣла я за столъ, смотрю, рыбина стоитъ предо мною большая, — хороша, должно-быть, семь-ка, я отвѣдаю, да такъ кусочекъ за кусочкомъ, глотею за глоткомъ, смотрю, — а рыбы-то ужъ и нѣтъ...

Бабушка и графиня хохочутъ еще пуще прежняго; имъ встятъ гости...

— Ну, попадья, удружила же ты мнѣ, нечего сказать... есть за что поблагодарить! Я нарочно за рыбой посылаю и ни вѣсть куда, а она за одинъ присѣсть изволила скушать! Да развѣ про тебя это везли? Ужъ подлинно—дура попова.

И обратившись къ дворецкому сказала: «Поди, ставь по-падья ея объѣдки, пусть доѣдаетъ за наказаніе, а намъ спросите, нѣтъ ли еще какой другой рыбы?..»

Принесли другое блюдо рыбы—больше прежней...

Я думаю, что вся эта продѣлка попадья была заранѣе подготовлена, чтобы посмѣшить гостей; тогда вѣдь это водилось, что держали шутовъ да шутихъ...

Бабушка Евпраксія Васильевна была, говорятъ, очень крутого нрава, и какъ знатная и большая барыня, была въ большомъ почетѣ и не очень церемонилась съ мелкими сосѣдями, такъ что многія сосѣдки не смѣли и войти къ ней на парадное крыльцо, а все на дѣвичье крыльцо ходили.

Разсказываютъ, что одна сосѣдка сказала про бабушку что то неладное; бабушкѣ передали это. Она промолчала. Черезъ сколько-то времени пріѣхала къ ней эта сосѣдка, говорившая про нее дурно. Пришла въ дѣвичью и говорить: «Доложите генеральшѣ, что я, молъ, пріѣхала».

Пришли докладывать бабушкѣ, что такая-то пріѣхала и сидитъ въ дѣвичьей.

— Скажи ей, что я ее и видѣть не хочу. Я, видишь, не хороша по ея разсужденію,—ну, пусть лучше кого ищеть, а меня бы оставила въ покоѣ и избавила отъ своего знакомства.

Возвратилась въ дѣвичью та, которая докладывала.

— Генеральша на васъ, матушка, за что-то гнѣвается, говорить: «коли я не хороша для нея, пусть кого получше ищеть, чтобы ко мнѣ и глазъ не казала, не ѣдила».

Барынька просить, чтобъ объ ней доложили; никто идти не смѣетъ, боятся. Такъ она посидѣла, посидѣла, да и къ себѣ опять поѣхала. И раза два или три она потомъ пріѣзжала; доложить бабушкѣ—и все одинъ отвѣтъ: «Скажи ей, что напрасно ѣздитъ, вѣдь сказала, что не приму, и не приму».

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ: бѣдная сосѣдка ѣздитъ, бабушка не принимаетъ.

Та плачетъ, увѣряетъ, что ни въ чемъ не виновата, что и не знаетъ, за что на нее генеральша гнѣвается; просить, чтобы такъ и доложили.

Наконецъ, кто-то и рѣшился доложить.

Бабушка взмиловалась, велѣла впустить къ себѣ сосѣдку.

Та пришла.

— Чѣмъ это я не угодила тебѣ, что ты меня бранишь и говоришь про меня вотъ то-то и то-то? Да какъ только ты смѣла про меня худо говорить? Знаешь ли, кто я и кто ты?

Та начинаетъ оправдываться, божится, что ни въ чемъ не виновата, что ничего и знать не знаетъ, а бабушка пуще ее бранить. Мылила-мылила ей голову, та и въ ноги-то кланяется, просить только бы слушать...

Перестала бабушка ее пробирать и стала слушать оправданіе, и что же оказывается? что точно это все была одна сплетня. Увѣрившись, что про бѣдную сосѣдку сказали напраслину, бабушка очень пожалѣла, что безъ причины ее оскорбила и разными подарками старалась утѣшить бѣдную дворянку, ни въ чемъ не виновную, и съ тѣхъ поръ къ ней особенно благоволила.

Вотъ что мнѣ еще рассказывала про бабушку Евпраксию Васильевну наша мамушка, Марья Ивановна, бывшая при бабушкѣ сѣвною дѣвушкой: «Генеральша была очень строга и строптива; бывало, какъ изволятъ на кого изъ насъ прогнѣваться, тотчасъ и изволятъ снять съ ножки башмачокъ и живо отшлепають. Какъ накажутъ, такъ и поклонись въ ножки и скажешь: «Простите, государыня, виновата, не гнѣвайтесь». А она-то: «Ну пошла, дура, впередъ не дѣлай». А коли кто не повинится, она и еще побьетъ... Ужъ настоящая была барыня: высоко себя держала, никто при ней и пикнуть не смѣй; только взглянетъ грозно, такъ тебя варомъ и обдастъ... Подлинно барыня... Упокой ее Господи... Не то, что нынѣшніе господа».

Бабушка была въ свое время очень хорошо воспитана и учена; она говорила хорошо по-нѣмецки, это я слышала отъ батюшки Петра Михайловича.

II.

Отецъ бабушки Евпраксіи Васильевны, Василій Никитичъ, Татищевъ, который написалъ Русскую Исторію, родился при Петрѣ I и былъ лично ему извѣстенъ. Родился въ 1686 году, умеръ 15-го іюля 1750 года. Онъ долгое время жилъ за границей для своего обученія; провелъ нѣсколько лѣтъ въ Германіи и службу свою началъ на восемнадцатомъ году отъ рожденія, въ военныхъ чинахъ. Государь къ нему благоволилъ, и, сказывали мнѣ, давалъ ему секретныя порученія, и былъ онъ посыланъ и въ Швецію, гдѣ учился горному дѣлу, почему впослѣдствіи и въ Сибирь его посылали и поручили заниматься рудокопнями и горнымъ производствомъ.

При вступленіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны, онъ много выигралъ тѣмъ, что стоялъ за самодержавіе, котораго не желали многіе изъ вельможъ. Онъ былъ статскій совѣтникъ, а передъ коронаціей сдѣлали оберъ-церемоніймейстеромъ и послѣ того дали ему чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; и злодѣй Биронъ былъ къ нему хорошъ, а онъ посылалъ ему изъ Сибири разные гостинцы, которые тотъ принималъ.

Василій Никитичъ имѣлъ только одну сестру, Прасковью Никитичну, которая была сперва въ замужествѣ за Терлевымъ, а потомъ за Станкевичемъ. Вотъ почему намъ тѣ и другіе родня. Женатъ былъ прадѣдушка на вдовѣ Рѣдкиной. Аннѣ Васильевнѣ, урожденной Андреевской ¹⁾. Она имѣла отъ нея только двоихъ дѣтей: Евграфа Васильевича и бабушку

¹⁾ Кажется, что жена Василія Никитича была дважды вдовой: ее звали Анна Васильевна, урожденная Андреевская; это извѣстіе находимъ мы въ изслѣдованіи Чистовича (Геоф. Прок. и его время), который говоритъ, что Василій Никитичъ женился въ 1714 году на вдовѣ Рѣдкиной, а бабушка говорила, что она была прежде Батвиньева, слѣдовательно, можно полагать, что Анна Васильевна была за Батвиньевымъ, потомъ за Рѣдкинымъ и въ 1714 году за Татищевымъ, который имѣлъ отъ нея: Евпраксию Васильевну (родилась или въ 1715, или 1716 году) и Евграфа Васильевича, который родился въ 1717 году. Евпраксія Васильевна вышла замужъ за Римскаго-Корсакова, при императрицѣ Аннѣ, или въ концѣ 1730, или въ началѣ 1731 года, потому что Петръ Михайловичъ родился въ 1731 году. Въ 1727 году, Василій Никитичъ хлопоталъ о разводѣ, потому что жена его имѣла связь съ Радищевымъ. (См. Чистовича).

Евпраксию Васильевну. Въ которыхъ годахъ, я не съумѣю сказать, но слыхала, что Василій Никитичъ былъ губернаторомъ въ Оренбургѣ и въ Астрахани и тутъ попалъ въ немилость; это было уже при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ началѣ 1740 годовъ. Ему велѣно было выйти въ отставку и жить въ деревнѣ, къ нему даже былъ приставленъ караулъ. О причинѣ этой опалы заподлинно не умѣю сказать: кто говоритъ, что были на него доносы по службѣ, а другіе сказывали, будто бы его жена, съ которою онъ развѣхался, обнесла его предъ императрицей, и стали къ нему придираяться и, наконецъ, подкопались подъ него. Онъ жилъ въ своей деревнѣ въ Клинскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Болдинѣ, лѣтъ шесть и имѣлъ предчувствіе о своей кончинѣ. Объ этомъ я не разъ слыхала и отъ батюшки и весьма подробно рассказывалъ покойный дядюшка Ростиславъ Евграфовичъ Татищевъ, который въ то время жилъ съ нимъ въ Болдинѣ, и со словъ его покойный мужъ мой, Дмитрій Александровичъ, подробно описалъ всѣ обстоятельства кончины, послѣдовавшей 15-го іюля 1750 года. За нѣсколько дней до этого, Василій Никитичъ сталъ чувствовать какую-то слабость и потому писалъ къ сыну своему, Евграфу Васильевичу, въ Москву, чтобъ онъ съ женой пріѣхалъ съ нимъ проститься, потому что чувствуетъ приближеніе времени своего исхода. Евграфъ Васильевичъ съ первою своею женою, Прасковьею Михайловною Зиновьевою, поспѣшилъ пріѣхать къ отцу и нашелъ его, повидимому, совершенно здоровымъ. Іюля 14-го Василій Никитичъ поѣхалъ верхомъ за три версты въ свою приходскую церковь со своимъ внукомъ, Ростиславомъ Евграфовичемъ, и отправляясь изъ дома, велѣлъ прислать въ село мастеровыхъ людей съ лопатами. Когда обѣдня окончилась, онъ позвалъ священника идти съ собою на погостъ и, пришедши туда, сталъ ему показывать, гдѣ кто изъ его родныхъ положенъ; выбралъ себѣ мѣсто и приказалъ рабочимъ приступить къ копанію могилы. Возвращаться домой верхомъ онъ не могъ, потому что ослабѣлъ, сѣлъ въ одноколку и со внукомъ поѣхалъ домой, а священника просилъ на завтра пріѣхать къ нему въ Болдино со Святыми Дарами, чтобъ его исповѣдать и причастить, и поручилъ ему, кромѣ того, пригласить такихъ-то священниковъ, потому что желаетъ собороваться.

Возвратившись домой, онъ вышелъ у себя курьера, присланнаго изъ Петербурга съ извѣстіемъ, что онъ оправданъ отъ несправедливаго обвиненія, и государыня посылаетъ ему Александровскую звѣзду.

Онъ самъ написалъ къ государынѣ письмо, благодарилъ ее за ея милость, но орденъ возвратилъ обратно, извѣщая, что чувствуетъ уже приближеніе своей кончины, и отпустилъ курьера. Караулъ, находившійся при немъ, былъ снятъ.

Въ этотъ вечеръ, когда пришелъ къ нему за приказаніемъ его поварь-французъ, онъ обѣда заказывать не сталъ.

— Я теперь у васъ уже гость, сказалъ онъ, — а не хозяинъ, а хозяйка вотъ кто, прибавилъ онъ, указывая на сына и на невѣстку: — они тебя прикажутъ, что нужно; я обѣдать болѣе не буду.

Онъ былъ очень спокоенъ духомъ и не забылъ даже передать невѣсткѣ, что на погребѣ лежитъ начатой теленокъ, «такъ есть изъ чего и готовить».

На другой день поутру, пріѣхалъ приходскій священникъ съ причтомъ, исповѣдалъ его и причастилъ Святыхъ Таинъ.

Василій Никитичъ велѣлъ позвать сына, невѣстку, внука, прощался съ ними и дѣлалъ имъ наставленія, потомъ велѣлъ собрать всѣхъ домашнихъ и дворовыхъ людей, просилъ у всѣхъ прощенія, благодарилъ за усердную службу и, простившись со всѣми и всѣхъ отпустивъ, просилъ священниковъ начать соборованіе, и тихо и безболѣзненно скончался при чтеніи послѣдняго Евангелія.

Когда послали за столяромъ, чтобы снять мѣрку для гроба, столяръ сказалъ, что ужъ давно по приказанію покойника для него гробъ сдѣланъ, а что ножки подъ него онъ самъ изволилъ точить.

Евграфа Васильевича я помню, что видала въ моемъ дѣтствѣ. Онъ скончался, когда мнѣ было лѣтъ тринадцать, а третью его жену, бабушку Аграфену Ѳедотовну, я очень любила и уважала, и батюшка ее очень чтилъ и съ нею крестилъ старшую мою дочь, Аграфену Дмитриевну.